

*Александр
Тамоников*

**ЯДОВИТАЯ
ТРОПА**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на переплете
А. Дурасова

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Ядовитая тропа / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (СМЕРШ —
спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-205594-2

В послевоенном Кенигсберге восстанавливаются разрушенные кварталы, возобновляют работу предприятия, спешат домой беженцы. Однако до настоящей мирной жизни еще далеко. В течение нескольких дней в городе обнаружено несколько тел со странными признаками: пальцы рук, мочки ушей и губы — черного цвета, как при обморожении. Но зима в этом году выдалась мягкая... Полковник СМЕРШ Семен Серабиненко предполагает, что это следы неизвестного яда. Кто-то отравил зернохранилище и убрал свидетелей. Похоже, в городе действуют диверсанты, и акция на складе зерна — это только часть их плана. Что дальше? Военный порт? Серабиненко не догадывается, что враг намного коварнее, чем кажется на первый взгляд...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-205594-2

© Тамоников А.А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ПРОЛОГ

*Декабрь сорок пятого
Военный округ Кенигсберг*

Он остался один из группы. К сожалению, на территории города работала слишком большая группировка. И если бы только одна.

Тихоня с усилием потер виски. Нужно оставить сообщение для Центра там, где его обязательно найдут. Но открыто писать нельзя. Декабрь выдался в этом году на удивление теплым. Даже почки на деревьях начали набухать, как будто уже пришла весна. Тихоня посмотрел на свои руки. Пальцы начали чернеть еще вчера. В груди постоянно что-то булькало. Кружилась голова, и все время хотелось есть. Агент понимал, что жить ему осталось совсем немного. Задание, на которое послали их группу, не выполнено. Весь день он потратил

на то, чтобы отправить сообщения в Центр. В городе работают минимум две ячейки по разным направлениям. Но он был уверен, что больше.

Его пасли уже два часа. Тихоня улыбнулся. Ну, давайте, родимые, подходите ближе. Он уже устал.

Тихоня открыл дверь комнаты, квартиры, которая считалась у них запасным жильем. Эх, жалко, что мало успел. Это была очень уютная квартирка, мебель пришлось, правда, вынести, она мешала, когда работала группа, для удобства они чертили план на полу мелом, а потом смывали его. Дом стоял на отшибе, в нем имелись две комнаты, гардеробная. Черный ход вел к ручью, по которому незамеченным можно дойти до центра и из центра города назад.

Тихоня закончил свои записи, завернул их в промасленную бумагу, потом в брезент и сунул в банку. А банку убрал в холодильник — обычный, не сильно приметный шкаф под окном. Задвинул за батарею банок с немецким вареньем. Вернется и найдет, хорошо. Квартиру он внес в реестр служебного жилья. Если

ЯДОВИТАЯ ТРОПА

найдут его записи, передадут в комендатуру. Это будет хорошо.

Тихоня выскользнул из дома и пошел по дороге, нутром чувствуя, что за ним идут.

...Его тело так и не нашли. Тела почти всех тех, кто шел за ним, похоронили в общей могиле как неопознанные.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Семен открыл глаза и с усилием потер виски. Сон ушел, но липкое ощущение, что ему смотрят в спину, осталось. Это ощущение, как маячок опасности, много раз выручало его на фронте. Но война закончилась. Во всяком случае, для большинства. Семен привык думать, что и для него тоже. Хотя знал, что для таких, как он, наступает не менее тяжелое время. Не надо думать, что с подписанием мирных соглашений оканчивается война. Нет. Особенно на новых территориях. Семен Серабиненко, полковник СМЕРШа, после ранения и контузии был списан. Но ввиду своих заслуг работал не на завалах или вербовочных пунктах, а в самом центре столицы Кенигсбергского военного округа недалеко от полуразрушенного Замландского вокзала, на котором все еще сияли огромные буквы с немецкой надписью

«Нордбанхоф». Что было странным, обычно именно на вывесках и срывалась злость рядового состава. В здании, где сейчас работал Семен, во время войны размещался штаб гестапо. А сейчас там собрали все архивы и временно разместили отделение комендатуры города.

Задача Семена сейчас была, казалось бы, простая и скучная — просматривать тонны бумаг. Еще при нацистах сюда свозили документы со всей Западной Европы. Литовские, польские, эстонские, попадались даже венгерские. Не только современные. Попадались даже старинные закладные свитки. Фашисты, как сороки, тащили все, что блестит. Семен знал одиннадцать языков. Мог даже блеснуть греческим, но, как сам любил шутить, произношение у него было так себе. На всех остальных языках читал, писал и говорил свободно. Почти ничего не забывал, был внимателен, усидчив. Мог часами разбирать рукописные закорючки, которые порывались выкинуть, а потом оказывалось, что именно в этой записке с «закорючками» содержались очень ценные для военной комендатуры данные о том, где именно были заминированы каналы реки Прегель.

Внешне ничего не говорило о том, что полковник был ранен, разве что чрезмерная худоба. Время от времени лицо Семена серело, и казалось, что он переставал дышать. В такие минуты ему чудилось, что он буквально уговаривал свое сердце снова начать биться, а грудную клетку — расширяться, проталкивая воздух внутрь. В эти секунды он снова чувствовал себя придавленным бронеплитой из капонира Пятого форта. И черт же понес его туда в день штурма Кенигсберга. По приказу в тот день он должен был быть в другом месте. Но нет. Решил проверить свою догадку по поводу численности гарнизона и засады, которую готовили для штурмовиков. Когда ты в СМЕРШе, то гораздо важнее не умение следовать прямым приказам, хотя нарушение их во время войны карается смертью, а умение находить решение и принимать на себя ответственность. И если ты делаешь ход и побеждаешь — ты снова в команде. Если нет — то ты сам по себе и нарушил приказ.

Именно так в них воспитывали умение думать и побеждать в любой обстановке, в команде или сам по себе.

Полковник Серабиненко поймал в день штурма шпиона, который надеялся укрыться среди военного гарнизона Пятого форта и, воспользовавшись хаосом после взятия форта, прикинуться обычным пленным рабочим из соседнего поселка. В одном из казематов форта действительно держали пленных. Особо полезных, тех, чьи навыки могли пригодиться во время осады форта. Но немцы просчитались. Осады не было. Был стремительный, смертоносный и практически невозможный ни с точки зрения тактики, ни с точки зрения теории штурм. Наверное, будь Семен кем-то другим, он много раз прокручивал бы в голове тот день, думал бы, можно ли было что-то изменить. И не оказаться на пути взрывной волны. Не получить удар в грудную клетку и контузию. В СМЕРШ нет места размышлениям постфактум. Ты сделал свое дело — теперь у тебя есть новое дело.

Формально его списали, но в Центре дали понять, чтобы не расслаблялся, на пенсию еще рано.

Но на самом деле Серабиненко занимался любимым делом. Он разгадывал запутанные загадки прошлого. Все они были здесь, скрыты

в этих бумагах. И кому, как не ему, найти в них важное. Описания лабиринтов дренажных систем и подземелий города. Схемы коммуникаций и подвалов. Все это было деталями мозаики, которые он сохранял у себя в голове. По старой памяти и вдруг когда-нибудь пригодится.

В тот день Семен вышел из дома и привычно пошел пешком на службу. Жил он в меблированной квартире-мансарде в очаровательном парковом районе в двух кварталах от комендатуры. Ему предлагали другое жилье, служебное, в здании бывшего банка, на той же улице, но Семену хотелось ходить пешком. С поднятой головой, не следя за небом.

Сослуживцы не знали ни о его прошлом, ни о его звании. Это был подарок от командира «Крымской розы», его отряда. Позывной Раглан. Большой привет историкам и знатокам Крымской войны. Для всех он был молодым лейтенантом разведки, чудом уцелевшим после гибели группы «Джет». Выглядел гораздо моложе своих лет. Худой. Движения то замедленные, то порывистые. Первым его заданием в Кенигсберге еще в сорок пятом было сопровождать экспедицию Пакарклиса, и именно

тогда он и проявил себя. Спас молодого офицера, не дал ему соскочить с кузова грузовика и, ведомого черным пламенем войны, которое выжгло его разум, побежать в заминированный лес. Умело скрутил и на глазах у изумленных литовцев чуть придушил, чтобы уснул парнишка и перестал бежать на верную погибель. Шепнул на ухо: «Отдохни, братишка». Потом в старом замке Лохштед именно Серабиненко понял, что здесь испытывали химическое оружие. Поэтому снег вокруг замка был цвета разведенной горчицы, а трупы немцев, застигнутых смертью настолько внезапно, что некоторые из них еще держали в руках ложки и другие столовые приборы, могли быть опасны. Может быть — заражение. Может быть — заминированы подвалы или сами трупы. Сдвинешь такой, и до свидания, исследователь из Вильнюса и его группа ученых энтузиастов. Решение Серабиненко тогда принял так себе с точки зрения следа для истории и самого Пакарклиса, который орал на него потом в коридорах комендатуры, что он знает, что это все дело рук Семена и что бесценные сокровища, сложенные в подвалах замка, утеряны навсегда.

С точки зрения экспедиции профессора из Виленского университета все выглядело прескверно. Они приехали в замок, полный трупов. Спустились в подвал и нашли ящики с книгами. Спасли, сколько поместилось в кузов грузовика, в том числе и бесценное издание «Времен года» Кристиона Донелайтиса, литовского классика литературы, и множество других рукописей и документов. А на следующий день, когда группа снова поехала в замок, полная надежды провести новые исследования и найти новые сокровища, замок уже был окружен кольцом солдат с огнеметами. Пакарклис плакал, ругался, клял весь мир на трех языках. А Семен поймал себя на том, что, глядя на замок впервые, видит, как плачет камень. При высоких температурах кирпич, из которого были построены хозяйственные постройки Лохштедта, плавился и стекал вниз на землю как бурое стекло. Но тогда еще Семен не знал, что вспомнит эту историю позже.

Пакарклис тогда винил его в утере всех сокровищ мира, не зная, что ящики выгрузили из подвалов той же ночью, как только Семен пе-

редал шифровку Раглану через связного. И за них Серабиненко следовало приняться, когда он закончит со всеми документами, что сейчас окружали его.

Работы хватит до самой старости. А то, что теперь какой-то ученый объявил его своим смертельным врагом, да много их таких было. Привык.

Полковник шел привычной дорогой. На работу всегда в одно и то же время по одной и той же улице. Обрато — другим маршрутом, меняющимся раз в несколько дней без системы. Привычка. В день дважды не ходить одной и той же дорогой. Да и невозможно это было в послевоенном, пока еще не переименованном в Балтийск Кенигберге с его постоянными перекрытиями улиц. Пока еще не умер всесоюзный староста Калинин, и Балтийск казался самым очевидным названием.

Семен знал свой маршрут по минутам. Как и то, что в доме с обрушившейся аркой портала, которую сейчас разбирали солдаты, горельефы с каштановыми листьями были с другой стороны дома. С северной. Вот такой вот, казалось бы, обычный пустяк. Мало ли почему тяжелый